
КАТЕГОРИЯ ФИНИТНОСТИ — ИНФИНИТНОСТИ В СВЯЗИ С ДРУГИМИ КАТЕГОРИЯМИ ГЛАГОЛА (на материале абхазо-адыгских языков)

З.Р. Хежева

Отдел адыгской филологии
Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
ул. Пушкина, 18, Нальчик, Россия, 360000

В данной статье рассматриваются ряд неосвещенных в специальной литературе факторов, свидетельствующих о тесной взаимосвязи таких глагольных категорий, как финитность — инфинитность, время и модальность в абхазско-адыгских (западно-адыгских) языках.

Морфология и синтаксис адыгских языков осложнены наличием особой, сложной формы глагола — категории финитности и инфинитности.

Находясь в тесной взаимосвязи с грамматическими категориями времени и модальности, финитность и инфинитность входят в понятие предикативности.

Категория финитности и инфинитности более детальное освещение получила в работах исследователей адыгейского языка [1; 4]. В кабардино-черкесском языке, несмотря на многообразие и богатство финитных и инфинитных форм и способов их образования и функционирования, наблюдается сравнительно слабая степень разработки данных форм. Значительны заслуги Г.В. Рогова, автора соответствующих разделов академических грамматик кабардино-черкесского языка [1957, 1970, 2006], в исследовании указанной проблемы.

В адыгских языках финитная форма глагола выражает определенное, основное, независимое от другого глагола действие, т.е. служит основным средством выражения законченности предложения:

Апчарэрэ Иринэрэ лыжъым и закъуэ подвалым къыщланэри къежьэжащ [6. С. 221].

«Апчара и Ирина оставили старика одного в подвале и пошли обратно».

Инфинитная форма глагола выражает действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой глагола:

А очеркыр зытхар къыпэщІэхуатэмэ, фІы щІыхынтэкъым [6. С. 262].

«Если (ему) попался бы тот, кто написал этот очерк, (ему бы) не поздоровилось».

Согласно распространенной в специальной литературе точки зрения, в ряд финитных и инфинитных форм глагола нужно включать слова, не выражающие действия, т.е. слова, к которым невозможно ставить процессуальный вопрос, к каковым относятся неглагольные образования. Однако последние не обладают процессуальным содержанием и, как следствие, подобные слова не могут выражать действие или состояние этого процесса. Именно поэтому ряд исследователей (см. например, у Н.Г. Гишева) из состава финитных и инфинитных форм исключают те образования, которые не могут выражать процесс, что на наш взгляд, вполне правомерно [1].

Критерий для дифференциации глагольных и именных основ может быть определен следующим образом: финитные и инфинитные формы глагола охватывают лишь слова, которые выступают в предложении в роли сказуемого и выражают действие или состояние в процессе, а формы, не выражающие действия или состояния как процесс, относятся к именам или же к отглагольным именам.

Фактически общим для всех исследований по морфологии адыгских языков является положение о том, что понятие финитности и инфинитности определяется позицией аффикса отрицания. Согласно данной теории, префикс отрицания *-м* употребляется преимущественно с инфинитными формами, а суффикс отрицания *-кьым* — с финитными формами. Предложение, имеющее логически законченный, завершённый смысл, содержит в себе финитную форму глагола, а инфинитная форма, как правило, предполагает присутствие другой финитной формы для выражения законченности предложения [2].

В предложениях финитного строя в функции сказуемого выступает один финитный глагол, который служит основным организатором предложения и носителем модальной и темпоральной семантики предложения:

Софят и закьуэу нэшым кьызэрыцIэнэу нIэм кьыхэкIац.

«Как только Софят осталась одна в комнате, она встала с постели» [7].

Необходимо согласиться с мнением З.И. Керашевой, что в предложениях инфинитно-финитного строя все функции по организации предложения возлагаются на сочетание двух, часто неравнозначных, глаголов где каждый из них выполняет определенные синтаксические функции. А логическое завершение предложению может обеспечить только финитный глагол, который находится в финальной позиции предложения, чего нельзя сказать об инфинитном предложении:

Залинэ бжэм йокIуалIэри мэдаIуэ.

«Залина подходит к двери и прислушивается» [7].

В тех случаях, когда в предложении наличествует один финитный глагол, он за редким исключением предопределяет лицо и модальность предложения, тогда как предикативность предложений с инфинитно-финитными глаголами не может быть непосредственно возведена к морфологическим категориям инфинитно-финитных глаголов. В качестве примеров З.И. Керашева приводит:

Адыг.: *Итхыгьэу кьыкIэкIы* «Оказывается он написал».

Итхауэ кьыцIокI [4. С. 118].

Неуверенность говорящего, возможность или вероятность действия как разновидности субъективной модальности могут быть выражены различными способами. Наиболее наглядно и систематично неуверенность говорящего в осуществлении действия выражается, как правило, при помощи постановки финитного глагола в предположительном наклонении:

AIэ, мыхьэнэнишэц. ХьэкIэкхьуэкIэ гуэр псы ефэ кьыцIэкIыниц [7].

«Нет, пустяки. Наверное, какой-то зверь пьет воду».

Как в адыгейском, так и в кабардино-черкесском языке в глагольной синтагме, состоящей из чистой основы и финитного глагола, последний изменяется

по временам и наклонениям, тогда как чистая основа не изменяется по наклонениям. Как правило, время финитного и инфинитного глаголов взаимозависимы, они согласуются друг с другом.

Словосочетание, содержащее в своем составе инфинитную форму, обычно называют инфинитной конструкцией. В отличие от финитных глаголов инфинитный глагол, как правило, не обладает признаком предикативности.

В адыгейском языке некоторые инфинитные формы, глаголы повелительного, желательного наклонения среди инфинитных глаголов составляют исключение, т.к. они в соответствующем интонационном оформлении могут конструировать предложение. Данные глаголы характеризуются определенной грамматической семантикой, выделяющей ее из различных групп инфинитных глаголов.

З.И. Керашева считает, что глаголы повелительного и желательного наклонений составляют отдельную группу инфинитных глаголов, которая на коммуникативном уровне интонационно может быть оформлена как предложение. В конструктивном и коммуникационном планах предложения, организуемые глаголами повелительного наклонения, проявляют ряд особенностей, требующих специального изучения [4. С. 192].

Как известно, финитные и инфинитные глаголы по-разному соотносят содержание предложения с действительностью. В отличие от финитных глаголов инфинитные глаголы не в состоянии непосредственно соотнести содержание предложения с действительностью.

По своей грамматической семантике инфинитные глаголы не завершены, и поэтому они нуждаются в смысловом и семантическом завершении: *тхэмэ* «если он пишет», *сыщытми* «хотя (если) стою» и т.д.

В адыгских языках время инфинитного глагола не абсолютное, а относительное, так как оно соотносится со временем финитного глагола: обязательным условием для функционирования инфинитных глаголов в предложении является наличие другого финитного глагола. Только через посредство финитного глагола действие или состояние инфинитного глагола может быть соотнесено с действительностью.

В родственном абхазском языке инфинитные образования, в отличие от других глагольных форм абхазского языка, обладают относительным временным планом и «относительной» модальностью. Эти признаки не позволяют непосредственно соотнести ту часть предложения, в которой они реализуются, с действительностью. Отнесенность подобных образований к действительности происходит опосредованно, через посредство глагольных образований или каких-либо других языковых единиц, которые в состоянии придать предложению временную и объективную модальность [5. С. 155].

Обычно организующим центром инфинитной конструкции является инфинитный глагол изъявительного наклонения, а также глаголы условного наклонения, причастия и деепричастия.

Нам представляется обоснованной точка зрения, что изъявительное наклонение — один из частных случаев проявления объективной модальности, пред-

ставляющего явление логико-грамматического уровня, модальности, выражающей оценку степени достоверности содержания предложения или характер отражаемых в нем объективных связей с точки зрения говорящего [3. С. 200]. Момент речи говорящего является отправной точкой, определяющей временной план глагола и всего предложения.

В кабардино-черкесском языке к инфинитным образованиям, обладающим наиболее ярко выраженными признаками полной предикативности, относятся формы повелительного, условного и частично желательного и все вопросительные образования.

Семантика повелительной формы предполагает действие, совершающееся после момента речи. Ориентация на момент речи всегда непосредственная. Абсолютный временной план и объективная модальность придают предложению повелительной формы повелительную интонацию:

Жэ, уи пхъуантэр къацтэ. Хъарзынэу псори дэплъхъэжащ [4. С. 195].
«Беги, возьми свой чемодан. Хорошо, что все туда положил».

По поводу желательных форм необходимо заметить, что не все желательные формы обладают признаком выражения полной предикативности. Как уже отмечалось, предикативность присуща формам, образованным от чистой основы (основы, лишенной временного показателя) и основы настоящего времени, другими словами — формам, представляющим подавляющее большинство.

Семантика подобных образований, в основном, выражает чистое желание, хотя и с различными оттенками, и предполагает такое действие, которое должно совершиться после момента речи:

Къельэн дэнэ къэна, лъэныкъуэ емыщлащэрэт, и щхъэ уназэу Къэнтласэ и пащхъэ имужуриящэрэт [7].

«Уже не говоря о том, что (она) не сможет прыгнуть, как бы (она) не наклонилась в сторону, как бы не упала перед Кантасой».

Особый интерес представляет вопросительное наклонение, которое в состоянии навязать всему предложению свою модальную характеристику, временной план и интонацию. Особенно ярко это проявляется в абхазском языке, где вопросительные образования различают наклонения. Ввиду того что в вопросительных высказываниях характер отношения выражен не полностью, говорящий старается пополнить его путем вопроса. Вопрос, адресованный собеседнику, преимущественно относится к области связи между предметами и явлениями действительности, которая устанавливается говорящим. В абхазском языке это ясно можно проследить, сравнивая следующие предложения:

urt ejnjna ma? «они встретились?»;
urt ejnjizma? «они встретились бы?»;
urt ejnjazar? «может, они встретились?».

Все приведенные примеры выражают стремление говорящего выяснить: в первом предложении — факт встречи в действительности совершился или нет; во втором предложении — пожелали ли они или следовало ли им встретиться

или не следовало; в третьем предложении — встреча была возможной или нет. Как можно последить, перечисленные значения передаются специальными формами, что позволяет внутри них выделить образования с изъявительной, сослагательной и условной семантикой. Для передачи вопросительного значения в большинстве случаев используется вопросительные форманты, реже — интонация [5. С. 241]. Однако, как мы уже отмечали, данное явление особенно ярко иллюстрируется в абхазском языке, где сам факт выделения вопросительных образований не ставится под сомнение, в отличие от адыгейского и кабардино-черкесского языков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гишев Н.Т.* Глагол адыгейского языка. — М.: Прометей, 1998.
- [2] *Кумахов М., Вамлинг К.* Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Кафедра лингвистики Лундского университета, Швеция; Институт языкознания РАН. — М., 1998.
- [3] *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. — М.: Наука, 1971.
- [4] *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. — Краснодар-Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, 1966.
- [5] *Чадуа Л.П.* Фinitные и инфинитные глагольные образования абхазского языка в функции выражения предикативности // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. — Нальчик, 1977.
- [6] *Кыщокъуэ А.П.* Шынэхужьыкъуэ. — Нальчик, 1985. (*Кешоков А.П.* Долина белых ягнят. — Нальчик, 1985).
- [7] *ЩоджэңцЫкгу А.О.* Софят и гьатхэ. — Нальчик, 1962. (*Шогенцуков А.О.* Весна Софиат. — Нальчик, 1962).
- [8] *ЩоджэңцЫкгу А.О.* Уи цэр фЭсщынщ. — Нальчик, 1973. (*Шогенцуков А.О.* Назову твоим именем. — Нальчик, 1973).

THE CATEGORY OF FINITY AND INFINITY IN CONNECTION WITH OTHER CATEGORIES OF A VERB (on a material of abkhazo-adygian languages)

Z.R. Khezheva

The Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches
Pushkina str., 18, Nalchic, Kabardino-Balkarian Republic, Russia, 360000

In given article there is considered a number of factors which are not carefully studied in the special literature and testifying to close correlation of such verbal categories as finity and infinity, tense and modality in Abkhazo-Adygian (West-Caucasian) languages.